

ПСИХОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ: ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМНО-ПРЕДМЕТНЫЕ ПЛОСКОСТИ

М.Ю. КОНДРАТЬЕВ

Кондратьев Михаил Юрьевич — декан факультета социальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета, член-корреспондент Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор. Лауреат премии Президента РФ в области образования, автор более двухсот научных трудов в области социальной, возрастной, педагогической, пеницициарной психологии и психологии личности.
Контакты: social2003@mail.ru

Резюме

В данной статье рассматриваются дискуссионные вопросы, касающиеся со-держательной соотнесенности собственно научного и религиозного видения, а также интерпретации той реальности, которая нас окружает. В данном случае плоскости научного и религиозного рассмотрения проблемы являются параллельными, т. е. не пересекающимися. В статье, помимо ответа на вопрос, может ли быть наука религиозной, а религия научной, значительное место занимает оценка попыток проникновения религиозного подхода в область образования и научного знания. Подобный «межевой конфликт» рассматривается во многом как результат агрессивной позиции и активности так называемых «христианских психологов». В данном случае это сугубо личная позиция автора.

Вопрос о науке и религии, об их соотнесенности и в принципе о возможности их соотнесения — один из самых ключевых для науки уже хотя бы потому, что от ответа на него зависит, является ли наука наукой и будет ли она иметь право на подобный статус, если ответ на этот вопрос окажется неверным. В свое время, когда «дамоклов меч» висел над психологией и ей была уготована гибельная судьба, связанная с полной и оконча-

тельной «павловизацией», ходили слухи, что именно И.В. Сталин (в данном случае будь именно этим помянут) «спас» психологию, оценив принесенные поборниками воинствующей физиологии проектные документы, «отменяющие» психологию: «Нет, все-таки физиология — это физиология, а психология — это психология». Следует отметить, что дискуссии на тему умерщвления психологии в СССР

были одновременно прекращены, и она не повторила судьбу педологической науки. Я думаю, что сегодня в статусе вождя всех народов может быть, к счастью, лишь здравый смысл. Если попытаться им проникнуться, то, не будучи отягощен какими-либо иными, кроме подлинно научных, мотивами, нельзя не услышать голос здравого смысла: «Да, наука — это наука, а религия — это религия». И еще об одном. В силу того, что вопрос о соотносительности психологии и религии вполне заслуживает однозначного ответа, заметную часть настоящей статьи я хотел бы посвятить анализу вопроса о последствиях проникновения религии в образование.

Пару лет назад в журнале «Скепсис» (2005, № 3–4)¹ было опубликовано обсуждение этой проблемы под названием «Христианская психология: за и против», в котором участвовали Б.С. Братусь, В.И. Слободчиков, священник А. Лоргус, с одной стороны, и А.В. Петровский и я — с другой. С тех пор, понятно, моя позиция никоим образом не изменилась. В условиях, когда не просто ряд религиозных «сюжетов» пытаются втянуть в научный оборот и когда порой научные доказательства в рамках дискуссии одна из сторон пытается заменить собственно религиозными основаниями, следует четко разделить два аспекта вопроса: теологический и культурологический.

Не вызывает ни малейших сомнений тот факт, что современный человек, претендующий на то, чтобы считаться человеком образованным и, прежде всего, гуманитарно «продви-

нутым», должен уметь ориентироваться в библейских сюжетах как Нового, так и Ветхого Завета. Как писал А.В. Петровский, «это стало фундаментом развития европейской культуры на протяжении почти двух тысячелетий. Причем эта культура была одновременно и светской, потому что на протяжении долгого времени границу между светским и религиозным провести было очень трудно» (с. 153). Если рассматривать вопрос о том, необходимо ли подобное знание, то нужно однозначно разделять знание и веру. И в этом смысле двух мнений быть не может: учить, формировать знание — это одна задача, а воспитывать и поддерживать веру — другая. Решение первой задачи должно быть полностью возложено на науку и школу, решение второй — на церковь. Проникновение и влияние «чужеродного» субъекта в любую из этих двух епархий губительно и недопустимо уже хотя бы потому, что активность непрофессионала в рамках каждого из этих самоценных проблемно-предметных полей неминуемо окажется очевидно разрушительной, а не созидательной.

Не вызывает сомнений тот факт, что когда речь идет о психологической науке с точки зрения возможной ее «религиозизации», то это связано во многом с непониманием рядом людей того, что словом «психология» обозначается, с одной стороны, наука, а с другой — психология конкретного человека. Если говорить о людях, исповедующих ту или иную религию, то, несомненно,

¹Далее ссылки на страницы данной публикации приводятся в тексте в скобках.

их психология своеобразна и специфична. Это нельзя не учитывать и в обыденной жизни, и в собственно научных исследованиях. Более того, недоучет подобной «переменной» в развернутом конкретном экспериментальном исследовании не просто может, а практически фатально приведет к «сдвигке» результатов, к некачественной интерпретации эмпирики, к ложным выводам и деструктивным рекомендациям. Что же касается психологии как науки, то эта отрасль, как и любая другая наука, в принципе не может перекрещиваться с религией. Они попросту существуют в параллельных плоскостях. Правда, я соглашусь, что существует единственная точка, но не соприкосновения, а точка общего профессионального интереса — это этика. Кстати, именно в связи с этой «непересекаемостью» ни религия не должна влиять на науку, ни наука на религию. Другими словами, столь же недопустимо, чтобы в наших условиях, когда государство отделено от церкви, наука пыталась опровергнуть религиозные догмы, а церковь претендовала бы на то, чтобы всерьез оспаривать результаты собственно научных исследований.

Когда сторонники «христианской психологии», или, как они себя иногда называют, «православно ориентированной» психологии, утверждают, что создание подобного, по их мнению, именно научного направления необходимо, они уже по традиции ссылаются на то, что светская психология «забыла» человека и что только путем внесения в эту светскую психологию «христианских оснований» можно вернуть науке глубинные гуманистические ценности. От-

вечая на этот пассаж, не могу не заметить, что забыла человека не психология, а некоторые психологи, для которых человек вдруг открылся. Открылся почему-то через осознание того, что без религии, без помощи священников и религиозных представлений они сами не смогут разобраться в человеке; но мне кажется, что они не могут разобраться не столько в абстрактном человеке, сколько в самих себе.

В самом деле, в советской психологии личность оказалась выхолощена. Произошла двойная редукция. Во-первых, личность отождествили с психикой, во-вторых, исследование психики отождествили с исследованием познавательных процессов. Таким образом, личность оценивалась только по тому, каким образом эти познавательные процессы протекают в том или ином возрасте. Это во многом было связано с отношениями психологии и педагогики и с вечным спором о том, что такое психология вообще и как она соотносится с педагогикой. Если говорить всерьез, то педагогика (теоретическая педагогика, не дидактические ее моменты) — это дисциплина, которая должна отвечать на вопрос: «Как должно быть?», т. е. создавать некие модели долженствования. Психология же отвечает на принципиально иной вопрос: «Как есть на самом деле?» Понятно, что в тоталитарном государстве педагогика была не просто «главнее» психологии, а была ее антагонистом, так как власти было страшно знать или просто не хотелось знать, «как на самом деле». Существенно важнее было знать, «как должно быть», потому что это было декларативно прописано, и при этом

иметь возможность утверждать: «А так и есть!» А все, что этому мешало и могло показать, что того, что должно быть, на самом деле нет, считалось вредоносным. Одним из результатов этого, кстати, стало постановление 1936 г., по которому «закрыли» педологию. Вот это господство императивной педагогики и привело, в частности, к тому, что изучение личности происходило однобоко. Но причем здесь «христианская психология»?

Поиск ответов в религиозной сфере на научно поставленные вопросы бессмыслен. Как уже было сказано выше, эти две сферы мироощущения и мировидения находятся в непересекающихся плоскостях. Именно в связи с этим есть понятие, которое я бы изъясил из многих психологических словарей и которое не имеет отношения к психологической науке, да и к науке вообще. Для меня странно выглядят те психологические словари, где присутствует понятие «душа». Но при этом для меня странно выглядел бы психологический словарь, в котором не было бы понятия «духовность». Для меня странно видеть словарь, где нет понятия «честь», где нет понятия «совесть», но если это привязано к какой-то религиозной схеме, то я не верю, что понятие «честь» для человека, исповедующего православие, католицизм, буддизм, — нечто иное в его собственных, субъективных переживаниях. А ведь именно этим занимается наука: тем, что можно измерить, тем, что может быть доказано, тем, к чему может быть приложена определенная методика.

Психология, как и любая наука, развивалась сначала как некое одноствольное растение, сначала и ве-

ток не было. Потом появились ветви — отрасли. На этих ветвях выросли еще какие-то веточки, более мелкие. Это были направления, школы, отраслевые разделы и т. д. Какое-то направление становится полноценной отраслью. Какая-то школа приобретает статус направления, раздела. Где на этой ветви, на этом растении найти место «христианской психологии», или, как некоторые называют, «христиански ориентированной» психологии? Ведь для того, чтобы утверждать, что это — самоценная научная отрасль, необходимо решить две проблемы. Во-первых, необходимо определить специфику предмета, во-вторых — специфику методов исследования; и если это есть в действительности, в научной реальности, то тогда можно говорить о самостоятельной отрасли в психологии. Теперь давайте посмотрим, какой предмет есть у христианской психологии? Это — душа. Какое отношение к науке это имеет, если нет методов ее измерения, нет особенностей, специфики предмета?

Затем хотелось бы понять, а где другие религиозно ориентированные психологии? Где мусульманская психология, иудаистская психология, буддистская психология и т. д.? Обратимся, например, к реальной практике вузовского образования: какие кафедры еще должны быть на психологическом факультете и по каким специальностям будут присуждаться ученые степени? Выходит, один станет кандидатом психологических наук по специальности «христианская психология», другой — по «иудаистской психологии», а третий — по «мусульманской»? Не дай Бог увидеть такой сон!

Не надо паразитировать на психологии, именно паразитировать, потому что если хотите растить свое дерево, то сажайте его рядом. Не надо претендовать на корни того дерева, которое было выращено исключительно для того, чтобы преодолеть ненаучные способы обоснования мысли. Наука строилась и стала наукой именно в связи с тем, что нужно было что-то доказать и только после научного доказательства это становилось научным фактом. Сложившиеся в систему научные факты, осмысленные и интерпретированные с научно доказательных позиций, выстраивались в теории; потом люди, мыслящие в соответствии с логикой этих теорий, объединялись в школы; родственные школы складывались в направления; в свою очередь, направления, объединенные общим предметом и общим научным инструментарием, становились отраслями. Все это было выстроено без помощи и даже не столько без помощи, сколько вопреки той логике, в соответствии с которой развивалось другое, религиозное знание, а точнее, вера, не имеющая к науке прямого отношения. Более того, принципиально противостоящие ей в логике доказательства, принимающего, в отличие от науки, схему догматического утверждения.

И вдруг теперь сторонники «христианской», или «христиански ориентированной», психологии говорят: «Да нет, теперь мы это выращенное дерево будем ориентировать вот так». И выворачивают всю корневую систему и наклоняют дерево в сторону «своей» религии. В это время прибегают другие и говорят: «А вот это — мусульмански ориентированная психология». И поворачивают

это же дерево в другую сторону. Своего-то дерева нет, но площади, где выращивать, полно — так растите свое! Выстройте фундамент, как положено в вашей, как вы ее называете, «науке». Другое дело, что ничего, кроме карликового деревца, вырасти на камне не может, сколько бы ни поливали. А вот заставлять работать на себя тех людей, которые были верны определенным, именно научным принципам и выстраивали это знание именно в научном плане, — это паразитирование. Не нужно под здание, которое выстроено не вами, закладывать чужеродный фундамент.

Нередко говорят, что атеизм — тоже религия, но это чистая софистика и передергивание. Любая мысль, которая мне пришла в голову и которую я считаю верной, может вызвать обвинения в том, что я в нее верю. Получается, что либо я должен говорить то, во что не верю — и тогда я лицемер, — либо, если я верю в то, что я говорю и делаю, — тогда я «верующий». Это — софистика, игра слов, замазывание принципиальной разницы между наукой и религией.

И еще на одном моменте, если говорить о психологии как науке и о психологах как ученых (неважно, теоретики они или практики) имеет смысл остановиться. Традиционное заявление приверженцев идеи о необходимости христиански переориентировать психологию состоит в том, что «христианский психолог» якобы будет иначе подходить к своим терапевтическим задачам, будет внимательнее, осторожнее относиться к клиенту. Возникает вопрос: «А что — остальные психологи могут быть невнимательными и жестокими?» Это вопрос не христианства

или атеизма, а попросту профессиональной пригодности. Но когда христианский психолог каким-то особым способом подходит к выполнению своих профессиональных обязанностей, то возникает оправданное сомнение.

Не кроется ли здесь авторитарная установка? На уровне обыденного сознания считается, что авторитарная личность — это тот человек, который с большим удовольствием «давит» на нижестоящих. Но на самом деле авторитарная личность как понятие собственно психологическое — это, прежде всего, личность, которая готова принять давление сверху, но только при наличии возможности самой «давить» вниз. На этом была построена вся иерархия фашизма, потому что не только на любви к «великому фюреру» строился «порядок» — вся жизнь в Третьем Рейхе строилась на маленьких фюрерах на каждом управленческом уровне. Авторитарная личность готова терпеть давление, но только до тех пор, пока существует хотя бы ничтожное пространство для давления вниз. К сожалению, тезис «Над нами кто-то есть» — вот та логика, которую исповедуют отцы-создатели современной «христианской психологии». И эта логика в обязательном порядке предполагает их полную уверенность в том, что у них есть право на кого-то влиять. Более того, они готовы принять не только Господа Бога как вседержителя их мыслей и возможностей, но и любого священника, потому что он для них все равно оказывается начальствующим над той нравственной позицией, которую они реализуют в своей профессиональной деятельности. Имен-

но это — по-настоящему самое страшное.

Очень настораживает применительно к «христианской психологии», то что верующий психолог якобы иначе, чем неверующий, подходит и к своей научной деятельности. Известно, что такое так называемый субъективный сдвиг в исследовательской практике: человек выдвигает определенную гипотезу, затем, используя, скажем, метод наблюдения, он отмечает именно то, что он хотел бы видеть. Происходит сдвиг в пользу своей гипотезы. Понятно, что все гипотезы в рамках собственно «христианской психологии» или какой-либо другой конфессиональной психологии будут доказаны в обязательном порядке. Справедливость этих гипотез будет доказана именно и только потому, что тот человек, который их высказывает, в них верит.

А теперь об образовании и о тех попытках проникновения в эту сферу, которые предпринимают новоявленные «христианские психологи». Считаю, что это без преувеличения страшная опасность.

Сначала приведу высказывание моего научного наставника А.В. Петровского: «...Наука и религия находятся в разных плоскостях. И, естественно, воспитанные в христианской традиции должны таковыми оставаться и приумножать свое христианство в рамках религиозного образования, но ни в коей мере не светского. Для меня совершенно очевидно, что это не дает права вмешательства религии в науку, а мы в школе преподаем основы наук и ничто другое. Что касается идеи о воспитании в рамках христианской традиции, то все-таки мне уже 80 лет и что-то я не помню,

чтобы за эти последние 80 лет кто-то в массовом порядке воспитывался в духе христианской традиции.

Затем не надо забывать, что у нас не одна религия, что Россия — многоконфессиональная страна, и тут возникает целый ряд трудностей, которые могут привести к ненужной конфронтации. Ведь у нас в стране, наверное, не менее 20–25 миллионов мусульман. В какой традиции они воспитывались? Ведь если речь идет об образовании, то мы должны иметь в виду, что, сказав «а», мы должны сказать и «б». Значит, религиозное образование должно быть повсюду. Так что же это будет? В свое время, когда в гимназии начинался урок, дежурный командовал: «На молитву!» — но при этом иноверцев: магометан, иудеев, буддистов — выставляли из класса. Как же поступать сейчас? Я думаю, что надо усиливать духовное развитие людей всеми средствами, в том числе и с помощью религии. Она в этом отношении много может дать, но только в рамках своих возможностей и прав. Школа должна заниматься тем же самым: формировать духовность, но не в теологическом плане, а в плане высокой нравственности, высоких эстетических идеалов, отказа от бездуховности, которая действительно грозит решительно всем, которая выдвигает на первый план низменные чувства и интересы. Да, это надо делать и церкви, и школе. Я не вижу никакой необходимости конфронтации школы и церкви. Я считаю, что они должны решать одни и те же задачи, имея в виду нравственность людей, формирование, воспитание человека, достойного называться человеком, но каждая своими средствами и в

пределах своих возможностей и прав» (с. 154).

Я совершенно солидарен с А.В. Петровским. Не следует навязывать ни научного, ни религиозного знания тем, кому это не нужно: у науки и у религии разные сферы деятельности. Такое навязывание было бы странно, так же странно, если бы кто-то выступил с материалистической статьей в «Вопросах богословия». Но тогда почему в научной психологической литературе появляются статьи на религиозные темы? Почему их должны читать студенты, а уж тем более — почему они должны изучать религиозно ориентированную дисциплину, если они пришли не на богословский факультет?

Если же говорить об отношении к религии в обществе в целом... Мне не нравится Израиль так же, как мне не нравится Третий Рейх, по одной причине: потому что люди там оценивались и оцениваются по принадлежности или непринадлежности к конкретной национальности. Мне так же не нравится воинствующий атеизм, как и воинствующая религиозность, которая в последние годы захлестнула страну. Причем под воинствующим атеизмом я понимаю не право человека отстаивать свою атеистическую позицию, а неприятие тех людей, которые эту позицию не разделяют (к счастью, у нас в обществе таких людей очень мало). Воинствующая позиция, логика неприятия другого порождает в психологическом плане то, что я называю «качеством окончательного выбора», или «окончательной оценки», когда наличие одного параметра закрывает возможность рассмотреть остальные. Например, в случае антисемитизма:

если обсуждаемый человек — еврей, то с ним «все понятно», качество окончательной оценки завершено. Тогда люди делятся на «мы» и «они» без всякой дальнейшей дифференциации.

Сейчас крайне актуальной оказалась проблематика этнокультурного, вернее, как сегодня наконец-то начали правильно называть, поликультурного компонента в образовании. Совершенно очевидно, как активно, настойчиво и даже агрессивно, с нарушением всех божьих заповедей насаждается не этнокультурное и уж тем более не поликультурное, а этноконфессиональное образование. В нашей стране — хотим мы или не хотим — это всегда связано с проблемами национальной политики. Поэтому яростное проникновение церкви в образовательный процесс неизбежно ведет к национальной розни. Возьмите любую школу, не школу с еврейским, татарским или каким-нибудь иным компонентом, а обычную среднюю школу. Разве нет там все-таки — на том уровне, до которого наше общество вообще дозрело, — но все-таки поликультурного образования? Как только там появляется элемент этноконфессионального давления — люди разъединяются.

Да, верно: для того, чтобы объединиться, нужно сначала разъединиться. Но мы уже давно разъединены, не нужно усугублять процесс дифференциации. Именно поэтому крайне опасно появление самых различных совместных комиссий Минобра и Патриархии, появление в светских образовательных учреждениях таких предметов, как «Основы православной культуры», а тем более дисциплин, уже по своему названию откоро-

венно клерикальных. И главный здесь аргумент — не то, что наше светское государство должно тратить бюджетные средства на исключительно светское образование. Проблема и опасность заключаются в другом. Сколько бы у нас ни говорили о том, что эти занятия будут факультативными (кстати, в последнее время речь зашла уже о том, что факультативами не стоит ограничиваться), затронут они в любом случае всех. Когда дети сидят в одном классе и находятся рядом друг с другом — у них свои, подчас сложные, взаимоотношения и проблемы (любому социальному психологу очевидно, что в любой, тем более детской, ученической группе есть искорки, из которых разгораются большие, серьезные пожары). Когда вдруг окажется, что кто-то выбрал этот факультатив, кто-то не выбрал, то дети будут стараться понять, почему подобное решение принято. Крайне сомнительное приобретение только одно — некий мальчик или девочка, которые не пошли на факультатив, узнают много нового о своих предках в «седьмом колене», потому что желающие доказать, почему они туда не пошли, найдут и докопаются до «истоков», приложив больше усилий, чем все члены семьи ребенка. И тот, кто раньше хотел сказать слово «жид», но не имел на это оснований, узнав, что одноклассник не пошел на факультатив по христианской психологии или православной культуре, теперь эти основания получит.

Однажды в одном из интервью меня попросили прокомментировать следующую информацию: «В сети Интернет было сообщено, что какие-то итальянские ученые провели

исследование по поводу влияния молитвы на беременность. По их данным, оказалось, что количество забеременевших женщин среди тех, о ком молились, существенно больше, чем среди тех, которые хотели зачать, но о которых не молились». Первый мой вопрос был следующим: «А там указано, были ли эти женщины верующими и знали ли они, что за них молятся?» Мне ответили: «Они все были верующими, но никто из них не знал, что паства молится за их успешное зачатие». Тогда я ответил: «В этом случае мне хотелось бы узнать некоторые другие переменные: возраст забеременевших и незабеременевших, наличие у них детей, количество проведенных аборт, состояние здоровья этих женщин, наличие простатита у мужей забеременевших и незабеременевших и т. д., и т. д., — т. е. весь набор переменных» (с. 157). Я привожу в данном случае этот пример, потому что совершенно уверен: введя одну переменную и не учитывая другие, я смогу доказать, что Карл Маркс был двоюродным братом, скажем, Леонида Ильича Брежнева, пусть и родившегося существенно позже. Но это именно то, чем, на мой взгляд, занимаются христианские и другие конфессиональ-

ные психологи. Ведь все, что они говорят, должно быть принято на веру. Представьте себе: идет в институте экзамен и батюшка его принимает, кто его будет лучше сдавать? Его лучше других будет сдавать тот, кто докажет батюшке, что он — истинно верующий. Ни к науке, ни к образованию все это никакого отношения не имеет, хотя, несомненно, имеет прямое отношение к религии.

И еще на одном моменте хотелось бы остановиться. К сожалению, настойчивость ряда психологов, пытающихся как в научном, так и в образовательном плане подчинить психологию религиозной доктрине, заставляет задуматься о том, не сталкиваемся ли мы в данном случае с неким бизнес-проектом, который направлен не столько на формирование подлинно научного знания и на воспитание и поддержание истинной веры, сколько на достижение вполне мирских целей — бюджетных средств, социального влияния и т. п.? Пусть степень откровенности ответа на этот вопрос останется на совести тех, кто на него должен ответить прежде всего самим себе. Но это, пожалуй, единственный случай, когда мне искренне хочется пожелать «провала» подобному коммерческому замыслу.